

СВЯТЫЙ СТЕФАНЪ, ЕПИСКОПЪ ПЕРМСКІЙ.

Однажды праведный Проконій Устюжскій поклонился въ ноги трехлѣтней дѣвочкѣ Маріи и при этомъ воскликнулъ: «вотъ идетъ мать великаго Стефана, епископа и учителя Пермскаго». Страшными и несбыточными показались тогда слова св. Проконія устюжанамъ, но ихъ удивляло не то, какъ могъ знать юродивый, что у дѣвочки младенца будетъ сынъ епископъ, а казалось совершенно несбыточнымъ, чтобы зыряне приняли вѣру христіанскую и чтобы въ грубой языческой Перми былъ когда-либо православный епископъ. Устюжане потому и не вѣрили предсказанію святаго, что хорошо знали ¹⁾ какъ низко было умственное и нравственное развитіе зырянъ, какъ слѣпо и горячо они преданы были самому грубому идолопоклонству и какую власть имѣли надъ ними волхвы и кудесники, непримиримые враги всего русскаго, православнаго, изъ собственныхъ выгодъ державшіе зырянскій народъ во тмѣ язычества. Для насъ такое мнѣніе устюжанъ о зырянахъ всего яснѣе показываетъ, какія трудности подлежало превозмочь

1) Вълѣдствіе близости къ Устюгу зырянскихъ селеній и частыхъ торговыхъ сношеній съ зырянами.

тому, кто рѣшился бы просвѣтить зырянъ свѣтомъ христіанской вѣры, какою онъ долженъ обладать мудростію и даромъ слова, чтобы на грубомъ и бѣдномъ языкѣ передать и впечатлѣть въ умахъ и сердцахъ дикарей высобія евангельскія истины и отклонить ихъ отъ ихъ вѣковыхъ чтилицъ; сколько проповѣднику надобно было имѣть самоотверженной любви и терпѣнія, чтобы не изнемочь и не отступить предъ многочисленностію фанатическихъ противниковъ, предъ всевозможными препятствіями и опасностями. Истинно для этого нуженъ былъ апостоль! И онъ явился зырянамъ въ лицѣ Стефана, еще задолго до рожденія предпачинаго къ тому Промыслемъ.

Просвѣтитель зырянъ родился въ торговомъ и богатомъ Устюгѣ, отъ родителей хотя не богатыхъ, но благочестивыхъ, уже по самому званію имѣвшихъ болѣе другихъ возможности дать своему сыну надлежащее образованіе книжное, рѣдкое тогда даже между богатыми и знатными. Отецъ его Симеонъ, по прозванію Храпъ, «бѣ добрый клирикъ соборныя церкви», а матерію его была та дѣвица Марія, къ которой относилось предсказаніе св. Проклія о рожденіи Стефана епископа зырянъ. Къ утѣшенію и радости благочестивыхъ родителей, дитя съ самаго младенчества начало обнаруживать въ себѣ блестящія способности и любовь къ книжному ученію, не по лѣтамъ оно начало успѣвать въ грамотѣ и скоро превзошло въ ней всѣхъ своихъ сверстниковъ: послѣ одного только года ученья Стефанъ могъ исправлять должность капопарха въ соборной церкви и сдѣлался потомъ соборнымъ чтецемъ. «Быстропамятно бо сущи отроча скоро учашеся, яко до года и капопархати возможе и бяше преуспѣвая паче всѣхъ разумомъ и богатію и точію въ Божіи словѣ упражняшеся, Писанія святаго разумѣнію прилежа и книгамъ всего себе вдавъ не общашеся съ текущими въ суету», говоритъ о немъ современникъ. Богобоязненный и даровитый юноша

какъ бы предчувствовалъ свое назначеніе и старался скорѣе приготовиться къ нему изученіемъ священнаго Писанія; въ то же время, по какому-то тайному влеченію сердца, онъ самъ собою началъ прилежно учиться зырянскому языку, искалъ случая встрѣтиться съ зырянами, когда они прѣзжали въ Устюгъ, разговаривалъ съ ними, спрашивалъ у нихъ названія того или другаго предмета и такимъ образомъ скоро не только сталъ понимать ихъ языкъ, но и говорить съ ними, какъ природный зырянинъ. Такое странное сближеніе богобоязненнаго юноши съ грубыми язычниками благочестивой матери его Маріи не разъ приводило на память предсказаніе юродиваго и показывало, что уже съ дѣтства почивала на немъ благодать Божія и неисповѣдныя пути Промысла заранѣе готовили его на многотрудный апостольскій подвигъ.

Достигши юношескихъ лѣтъ и не чувствуя привязанности ни къ чему мірскому, Стефанъ дни и ночи проводилъ надъ чтеніемъ священныхъ и отеческихъ книгъ, но чѣмъ болѣе онъ занимался ими, тѣмъ яснѣе сознавалъ, какъ еще малы и недостаточны его познанія. Жажда познаній возрастала въ немъ болѣе и болѣе, такъ что наконецъ Стефанъ, не видя возможности удовлетворить ей въ Устюгѣ, рѣшился оставить родину и идти въ Ростовъ-каедральный городъ своей страны, гдѣ надѣялся довершить свое образованіе; такому рѣшенію не мало способствовала и склонность Стефана къ иноческой жизни. — Къ южной сторонѣ древняго многоглаваго и многобашеннаго ростовскаго кремля примыкаетъ продолговатый, обнесенный стѣнами, четверугольный, на западномъ концѣ котораго донинѣ стоитъ одиноко высокая, пятиглавая церковь, еще брѣзкая по виду, но уже съ закладными дверями, не доступная для посѣтителей по ветхости внутренняго своего устройства-печальный памятникъ такъ называемаго затвора или монастыря св Григорія Богослова, извѣстнаго въ древности бо-

гатствомъ своей библіотеки и образовапностію иноковъ. ²⁾ Сюда-то, достигши Ростова, и устремился молодой Стефанъ, увлекаемый желаніемъ просвѣщенія и подвижнической жизни. Принятый въ число братіи онъ съ неутомимою ревностію занялся чтеніемъ книгъ, въ то же время строго исполнялъ всѣ требованія иноческой жизни, такъ что, не смотря на молодость, вскорѣ удостоился при ростовскомъ епископѣ Пароеніи ³⁾ иноческаго постриженія отъ руки Максима Каплина, игумена Іоанно-Богословской обители, находившейся тутъ же въ епископіи. ⁴⁾ Здѣсь любозпательному уму молодого инока открылось обширное поприще благочестиваго мнѣнія, обильная догматическая нища, которой онъ такъ усердно желалъ. Съ ревностію углубляясь въ чтеніе книгъ, Стефанъ старался самъ по себѣ отыскивать въ нихъ истолкованіе того, что прежде казалось ему неудобовразумительнымъ, изучилъ греческій языкъ съ цѣлію уяснить себѣ все, трудно понимаемое въ славянскомъ переводѣ, и нако-

2) Братія затвора во время архіерейскихъ служеній въ соборѣ стояли на лѣвомъ клиросѣ и пѣли службу по гречески.

3) Въ спискѣ ростовскихъ архіереевъ архіеи. Нила нѣтъ Пароенія, такъ же какъ и въ степной книгѣ нѣтъ его въ числѣ архіереевъ, посвященныхъ митр. Алексіемъ. Муравьевъ считаетъ Пароенія за одно лице съ Петромъ. Вѣрнѣе, что Паросній былъ преемникомъ Петра и предшественникомъ Арсенія, какъ значится въ воскресенской лѣтониси: 30-й Петръ, 31-й Паросній, 32-й Арсеній (полное собр. лѣт. т. VIII, стр. 69). Петръ скончался въ 1365 г., а Арсеній возведенъ на кафедру въ 1374 г. Ужели же въ теченіи 9-ти лѣтъ не было архіерея въ Ростовѣ?

4) Неподалеку отъ запад. востъ ростовскаго кремля на правой сторонѣ примыкаетъ къ стѣнѣ пятиглавый храмъ ап. І. Богослова, построенный митр. Іоною Сысоевичемъ въ 1673 г. на мѣстѣ бывшаго тутъ въ древнія времена монастыря. Когда при копаніи рововъ для закладки собора обрѣтены были мощи святителей Псаин и Леонтія, то они во все время строенія соборной церкви находились въ семь монастырѣ. Древняя монастырская икона Апостола І. Богослова находится въ юго-западномъ углу собора.

нець чрезъ самостоятельное изученіе христіанскихъ истинъ и частыя бесѣды съ учеными братьями, пріобрѣлъ основательное знаніе истинъ православной вѣры. С писатель житія его Елифаній, жившій въ то время вмѣстѣ съ Стефаномъ въ Затворѣ, съ утѣшеніемъ воспоминаеть, какъ бывало спорили они между собою то о какихъ-либо событіяхъ, то о словѣ, то о какомъ нибудь стихѣ или строфѣ. Въ богословскомъ монастырѣ Стефанъ написалъ своею рукою много книгъ, которыя долго служили памятниками его богомыслия и трудолюбія. Въ тишинѣ Затвора, при пламенной любви къ просвѣщенію, блаженный Стефанъ не уступалъ никому и въ иноческихъ подвигахъ, совершенствуясь болѣе и болѣе въ жизни духовной. Прежде всѣхъ являясь въ церковь къ богослуженію и послѣ всѣхъ выходя изъ нея, онъ дни и ночи проводилъ въ постѣ, молитвѣ и козѣнопреложеніяхъ, обучалъ себя смиренію, кротости, терпѣнію и любви, чтобы переносить всѣ непріятности и скорби для Господа, безъ вреда дѣлу вѣры и спасенію своей души. Смиренному сердцу подвижника, пламенѣвшему горячею любовію къ Богу, все это казалось малымъ и недостаточнымъ, онъ желалъ всего себя принести Ему въ жертву, желалъ, чтобы вся жизнь его служила къ прославленію имени Божія.

И вотъ однажды, когда онъ усердно молился объ этомъ, какъ бы въ отвѣтъ на его прошеніе, пришла ему благая мысль сдѣлаться просвѣтителемъ зырянъ, знакомыхъ ему съ дѣтства и коснѣвшихъ во тмѣ самаго грубаго язычества. Слезы радости оросили лице блаженнаго, какъ бы отъ обрѣтенія какого великаго сокровища. Вспомнилъ онъ и предсказаніе юродиваго ⁵⁾ и ему стало понятно странное влеченіе его съ самаго дѣтства къ зырянамъ и желаніе изу-

5) Предсказаніе Проконія было извѣстно всѣмъ, не могъ же не знать его одинъ тотъ, къ кому оно относилось.

чить зырянскій языкъ; онъ увидѣлъ теперь, что Промыслъ Божій назпачаетъ его именно къ этому подвигу. Занимаясь прежде зырянскимъ языкомъ безъ всякой цѣли, ради одной любознательности, онъ сталъ теперь заботиться о томъ, какъ передать высокія истины христіанскаго ученія дѣлнмъ дѣтнмъ природы на родномъ и понятномъ для нихъ нарѣчїи. Хотя Стефанъ хорошо былъ знакомъ съ зырянскимъ языкомъ и бойко па немъ говорилъ, но и задача предстояла ему великая и трудная, и нельзя не удивляться терпѣнію, неутомимости и искуству блаженнаго, съ какими онъ старался на необработанномъ и бѣдномъ зырянскомъ языкѣ, немѣвшемъ не только лнтературы, но и словъ для выраженія многихъ предметовъ и отвлеченныхъ понятїи-выражать и передавать высокія истины христіанской вѣры. Надобно было изобрѣсти азбуку для выраженія звуковъ ихъ грубой рѣчи, составлять слова, которыхъ у зырянъ не было, и притомъ такъ, чтобы они были имъ понятны и вточности выражали понятіе о предметѣ. Надобно было многое, недовольно ясно изложенное по славянски, переводить съ греческаго, по необыкновенныя способности и трудолюбіе Стефана превозмогли все; плодомъ сего ученой дѣятельности былъ переводъ на зырянскій языкъ нѣсколькихъ богослужебныхъ книгъ. ⁶⁾ Около десяти лѣтъ провелъ онъ въ монастырѣ св. Григорїя Богослова въ ученыхъ трудахъ, приготавлиая себя на подвигъ евангельской проповѣди. ⁷⁾ Запасшись зырянскими переводами необходимыхъ богослужебныхъ книгъ, и чувствуая себя уже довольно подготовлен-

6) На образѣ св. Стефана XVII в., находящемся въ кремль у Спаса на бору, въ иконостасѣ, составленіе зырянской азбуки и начало перевода книгъ показано въ лѣто 6880 (1372). Епифанїи о времени перевода книгъ на зырянскій языкъ говоритъ: яко много отъ созданїа міру въ лѣто 6883 (1375).

7) За святость и чистоту жизни онъ былъ уже посвященъ ростов. еп. Арсенїемъ въ санъ іеродїакона.

пымъ къ дѣлу проповѣди, блаженный Стефанъ отправился въ Москву, чтобы у первосвятителя русской церкви испросить его благословенія, а такъ же совѣтовъ и наставленій на свое многотрудное предпріятіе. Но прибывши въ Москву, онъ уже не засталъ въ живыхъ великаго святителя и поборника русской церкви-митрополита Алексія. Духовникъ в. князя, симоновскій архимандритъ Михаилъ (Митій), какъ нареченный митрополитъ, управлялъ тогда дѣлами русской церкви и хотя онъ былъ гордъ, самоадѣишь и заносчивъ даже предъ епископами, но благосклонно принялъ смиреннаго іеродіакона. Какъ человекъ умный ⁶⁾, онъ сразу попылъ всю важность и пользу его предпріятія, испросилъ Стефану у в. князя охранныя грамоты и послалъ его къ коломенскому епископу Герасиму для рукоположенія въ іеромонаха, приказавъ снабдить его и всѣмъ необходимымъ для великой его миссіи. «Благослови меня, владыко, идти въ страну языческую Пермь, сказалъ Стефанъ, припадая къ ногамъ Герасима, хочу учить святой вѣрѣ людей невѣрныхъ, я рѣшился или привести ихъ ко Христу, или сложить у нихъ голову за Христа моего». Пресвященный Герасимъ, старецъ уже многолѣтній, подивился апостольской ревности и дерзновенію Стефана, но видя въ немъ особенное призваніе къ апостольской дѣятельности, много бесѣдовалъ съ нимъ, одушевляя его на подвигъ. «Чадо Стефанъ, во св. Духѣ сынъ и сослужебникъ нашего смиренія, иди съ мпромъ и благодатію Божіею, да сопутствуетъ тебѣ Самъ Господь славы и дасть ти глаголь, благовѣствующи-

8) Бысть убо сей Митій родомъ Коломянинъ, саномъ же попъ, единъ отъ сущихъ тамо Коломенскихъ поповъ, въ зрастомъ высокъ, тѣломъ не малъ, плечистъ, рожанетъ, браду имѣя плоску и велику и съврышену, словеса речетъ, гласъ имѣя красенъ, грамотъ гораздъ, иѣти гораздъ, чести гораздъ, отъ книгъ сказати гораздъ, всѣми дѣлы поповскими изищенъ, и по всему парочитъ бѣ. Полн. собран. Русскихъ лѣтоп. т. VIII, Воскреснек. лѣтоп. стр. 29.

щему силою многою. Облекись по апостолу во всеоружіе Божіе, прими щитъ вѣры и шлемъ спасенія и мечъ духовный-глаголь Божій; иди и да будетъ слово твое солию растворено, живо и дѣйственно и Духъ святой да внушитъ тебѣ когда и что говорить, да наставитъ гдѣ какъ поступать, чтобы обратить къ свѣту вѣры сердца невѣрныхъ говорилъ святитель. Рукоположивъ Стефана въ іеромонаха, онъ снабдилъ его св. антимирами, св. муромъ, частицами, мощей и другими священными вещами и отпустилъ съ молитвою и благословеніемъ. Обезпечивъ такимъ образомъ свое предпріятіе какъ со стороны церковной такъ и гражданской власти и напутствуемый благожеланіями и дарами вещественными, блаженный Стефанъ отправился изъ Москвы къ мѣсту своей миссіонерской дѣятельности. По прибытіи въ Вологду онъ отправился водянымъ путемъ по Сухонѣ до Устюга, отсюда по Сѣверной Двинѣ до впаденія въ нее Вычегды, гдѣ начинались тогда поселенія зырянъ. Это было осенью 1379 г. С писатель его житія Епифаній такъ говоритъ о началѣ проповѣднической дѣятельности своего духовнаго брата и сподвижника: «и нача яко овча посредѣ волковъ, посредѣ рода строптива и развращена ходити и проповѣдывати Христа, истиннаго Бога, и учити хрстіанской вѣрѣ». Такой характеристическій отзывъ современника о зырянахъ даетъ уже близкое понятіе о нравственныхъ ихъ свойствахъ. Много трудовъ и борьбы, лишеній и скорбей надлежало перенести Стефану, много преодолѣть препятствій и всякаго рода опасностей, пока проповѣдь его увѣнчалась нѣкоторымъ успѣхомъ. Здѣсь впервые хрстіанство въ лицѣ одинокаго пришельца должно было столкнуться съ язычествомъ зырянъ и десятилѣтнія приготовленія Стефана должны были выдержать первую пробу. Отъ успѣшнаго или неудачнаго начала зависѣло многое, почти все. Успѣхъ проповѣди отверзалъ Стефану доступъ въ страну. давалъ ему спутниковъ и помощниковъ и пролагалъ путь къ дальнѣйшему

благовѣствованію. Напротивъ при неудачѣ первой проповѣди дѣло приняло бы совсѣмъ другой оборотъ и зыряне можетъ быть еще надолго оставались бы во тьмѣ языческой. Тамъ думалъ и самъ проповѣдникъ и впоследствии день своего прибытія въ зырянскую страну и первой проповѣди къ язычникамъ (8 Ноября), ознаменовалъ построениемъ храма въ честь архангеловъ, благодаря блаженныхъ духовъ за побѣду, одержанную имъ надъ духами лстчими.

Чтобы яснѣе видѣть и лучше оцѣнить величіе и трудность апостольскаго подвига Стефана при распространеніи евангелія среди зырянъ, укажемъ вкраткѣ на тѣ многочисленныя и разнообразныя препятствія, какія его ожидали въ этой дикой странѣ, на умственное, нравственное и гражданское состояніе того народа, среди котораго онъ стремился насадить евангельскую истину.

Финское племя зырянъ, жившее въ странѣ дикой и суровой, не пользовалось выгодами благоустроеннаго правленія, любило проводить жизнь въ шумныхъ и гнусныхъ оргіяхъ; буйное и сварливое оно, презирало узы родства и дружбы и не терпѣло ограниченія своей дикой вольности. Умственное развитіе зырянъ стояло на самой низкой степени, — язычество, которому они были слѣпо преданы, какъ вѣрѣ отцевъ своихъ, потворствовало ихъ дикимъ страстямъ, а волхвы и кудесники, имѣвшіе огромное вліяніе на народъ, изъ своекорыстныхъ видовъ поддерживали невѣжество и суевѣрія въ народѣ. Главныя божества зырянъ Войпель и Юмала ⁹⁾ не требовали отъ нихъ ни поста, ни воздержанія, ни другихъ какихъ-либо нравственныхъ качествъ и умилостивлялись дарами вещественными, — а прочіе боги были и того снисходи-

9.) Золотая баба. Донынѣ сохранилась пословица: Юма баба кидь льопъ, т. е. страшно зло какъ Юма. У финновъ это было грозное, карающее божество, изображавшееся въ видѣ злой и безобразной старухи. Въ Четь-Миней, у Муравьева и Филарета Черниговскаго Юмала назвала золотой бабой по богатству украшеній идола.

тельнѣ: за шкурку лисицы, куницы или за какой нибудь десятокъ бѣлокъ готовы были простить все. Правда, что зыряне, поклоняясь и боготворя все: солнце, огонь воду, камни, деревья и животныхъ, вѣрили и въ духовъ добрыхъ и злыхъ и даже знали единаго великаго Духа Енъ, но по ихъ мнѣнію добрые духи, насаждая въ мірѣ добро, не требуютъ за то никакой мзды, почему они и не были почитаемы, а великаго Духа-Енъ зыряне считали не доступнымъ для поклоненія, не смѣли ни изображать его, ни приносить ему дары. Волхвы и кудесники пользовались глубокимъ уваженіемъ и суевѣрнымъ почтеніемъ, какъ провозвѣстники воли боговъ, дѣйствовавшіе отъ ихъ лица; они были полновластными распорядителями богатствъ кумирницъ и всего приносимаго въ даръ богамъ, чѣмъ и пользовались для собственной выгоды. Они-то и оказались злѣйшими врагами Стефана, котораго преслѣдовали съ ненавистію фанатиковъ. При такомъ религіозно-нравственномъ состояніи, невѣжественные, неразвитые и суевѣрные зыряне очевидно слишкомъ мало были подготовлены къ тому, чтобы понимать возвышенность и превосходство христіанства. Не менѣе неблагоприятны были для дѣятельности Стефана условія и гражданскаго положенія зырянъ. Много вѣковъ они были данниками Новгородцевъ. Эта зависимость была для нихъ не только не обременительна, но во многихъ отношеніяхъ даже полезна, потому что новгородцы не входили въ управленіе странною, не вмѣшивались во внутреннія ихъ дѣла и довольствовались одною только данью. Со своей стороны зыряне тѣмъ охотнѣе платили имъ дань, чѣмъ болѣе получали выгодъ отъ торговли съ новгородскими купцами ¹⁰⁾ и чѣмъ менѣе обижали ихъ, какъ своихъ подданныхъ, новгородскіе ушкуйники. Но незадолго до прибытія къ нимъ Стефана съ проповѣдью евангелія, Москва отняла

10.) Они доставляли зырянамъ разные товары, а отъ нихъ забирали пушной товаръ.

ихъ у новгородцевъ и подчинила себѣ; недоставивъ имъ никакихъ особенныхъ выгодъ и благодѣяній, московское правительство увеличило съ нихъ поборы и подати. «Тивуны, довотчины и приставники» великокняжескіе въ короткое время такъ надоѣли и опротивѣли зырянамъ, что все исходившее изъ Москвы казалось имъ подозрительнымъ и враждебнымъ, и только одинъ страхъ великокняжескаго гнѣва удерживалъ ихъ въ повиновеніи. Уже одно то, что Стефанъ пришелъ изъ Москвы и принесъ съ собою великокняжескія грамоты, должно было оттолкнуть отъ него зырянъ и поселить въ нихъ недовѣріе къ нему. Такова была почва, на которой пришлось Стефану сѣять слово Божіе.

Новидимому не легко было найти время болѣе неблагоприятное и слушателей менѣе способныхъ и подготовленныхъ, но, гори апостольскою ревностію, блаженный Стефанъ не посмотрѣлъ ни на что и съ твердымъ упованіемъ на небесную помощь тотчасъ же приступилъ къ дѣлу. Первое зырянское селеніе, въ которое онъ прибылъ, было Пырасъ, нынѣшній Котласъ, при впаденіи рѣки Вычегды въ Двину, въ 60 верстахъ отъ Устюга. Жители этого селенія, по своей близости къ Устюгу и частымъ сношеніямъ съ русскими, были нѣсколько болѣе другихъ развиты и понимали порусски. Когда же они услышали, что онъ говоритъ съ ними на ихъ языкѣ и такъ хорошо, какъ природный зырянинъ, то приняли его съ особеннымъ радушіемъ и охотно вступали съ нимъ въ разсужденія. Долго впрочемъ проповѣдническіе труды его здѣсь не имѣли никакого успѣха. Когда Стефанъ началъ имъ проповѣдывать о ложности ихъ боговъ и о святости христіанской религіи, грубый и преданный идолопоклонству народъ сначала не хотѣлъ и слушать и отвергъ всѣ брѣткія увѣщанія проповѣдника. Не будучи въ состояніи оспорить Стефана, они старались выжить, прогнать его отъ себя, наносили ему разныя оскорбленія и обиды, а одинъ разъ наметали костеръ дровъ и нано-

силы соломы, чтобы съечь его живаго. Блаженный Стефанъ, не смотря на такія препятствія и опасности, съ невозмутимою кротостію и терпѣніемъ продолжалъ увѣщевать своихъ слушателей оставить тьму идолопоклонства и обратиться къ Богу истинному, котораго они называютъ Ень, творцу неба и земли, со слезами просилъ ихъ спасти свою душу и наконецъ тропуль грубыя сердца ихъ. Мало по малу жители пачали увѣряться въ истинѣ словъ проповѣдника, понимать ничтожество идоловъ, сознавать свое заблужденіе и уже не только охотно слушали его бесѣды, но и сами стали просить Стефана научить ихъ христіанской вѣрѣ; такимъ образомъ весь Пырасъ оставилъ идолопоклонство и крестился. Только самые закоренѣлыя язычники отказались принять христіанскую вѣру и удалились въ многолюдное селеніе Гамъ, гдѣ была главная кумирница, наполненная уважаемыми народомъ идолами, и гдѣ преимущественно жили главные ихъ жрецы; во множествѣ стекался сюда издалеба народъ для поклоненія своимъ богамъ. Со слезами радости Стефанъ возблагодарилъ Бога за первый успѣхъ проповѣди, водрузилъ среди селенія брестъ, устроилъ часовню и, утвердивъ въ вѣрѣ новопросвѣщенныхъ людей, онъ избралъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ спутники себѣ и отправился съ ними далѣе, вверхъ по теченію Вычегды, берега которой наиболѣе были населены зырянами. Проходя лежавшія на пути деревни, онъ вездѣ среди разныхъ препятствій и опасностей проповѣдывалъ имя Христова, ставилъ кресты и часовни, какъ самые понятныя для простыхъ людей символы новой вѣры, и въ короткое время обратилъ ко Христу всѣхъ жителей отъ Пыраса до Гама на пространствѣ слишкомъ 200 верстъ. Въ Гамѣ уже знали о появленіи въ Пырасѣ московскаго проповѣдника, который хулить боговъ и вѣру, вслѣдствіе чего жрецы и тупы постарались вооружить народъ противъ Стефана и сами съ яростію, подобно голоднымъ волкамъ, у которыхъ отнимаютъ

добычу, приготовились дать ему жестокой отпоръ. Зналъ и блаженный Стефанъ, что идолопоклонники собираютъ противъ него свои силы, что его ожидаютъ здѣсь немаловажныя препятствія со стороны какъ возбужденнаго противъ него народа, такъ особенно жрецовъ, раздраженныхъ успѣхами его проповѣди, зналъ, что дѣло проповѣди подвергается здѣсь новому, опаснѣйшему испытанію и можетъ, въ случаѣ нерѣшительности и нетвердости проповѣдника, кончиться совращеніемъ и тѣхъ, которые уже обращены ко Христу и—горя апостольскою ревностію о просвѣщеніи заблуждающихся, ободряемый и прежними успѣхами проповѣди, въ которыхъ онъ видѣлъ несомнѣнную себѣ помощь Божію,—Стефанъ рѣшился на подвигъ, хотя и угрожавшій ему величайшею опасностію, но за то могшій показать народу все ничтожество, безспіе идоловъ и обманы корыстолюбивыхъ жрецовъ. Блаженный рѣшился или побѣдить или умереть. Лишь только онъ вступилъ въ Гамъ, народъ, подстрекаемый злыми жрецами и тунами, кинулся на него съ неистовымъ крикомъ и угрозами, такъ что ему невозможно было ничего сказать въ свою защиту. Привѣтствій его не слушали, миролюбивыхъ воззваній и предложеній не хотѣли понять, смиреннымъ оправданіямъ не внимали, оставалась одна только надежда на Бога и Богъ сохранилъ его. Хотя въ минуту гнѣва бѣшеная толпа, поджигаемая волхвами, готова была убить его, но когда гамичи увидѣли кроткое лице, добрый и смиренный видъ пришельца, нестаравшагося ничѣмъ воспротивиться имъ, припадки ярости у нихъ прошли, а кроткія рѣчи, съ которыми обратился къ нимъ Стефанъ, прося себѣ вниманія и снисхожденія, трогательныя, дышавшія любовію убѣжденія его, произносимыя пришельцемъ па ихъ редномъ языкѣ, совершенно ихъ обезоружили. Нашлись между ними и такіе, которые рѣшились оказать ему гостепріимство. Но Стефанъ видѣлъ, что народъ въ Гамѣ слишкомъ преданъ идоламъ и пока они не будутъ истреблены, проповѣдь его не можетъ

имѣть большаго успѣха. Поэтому выбравши время, когда никого изъ язычниковъ не было близъ кумирницы, находившейся отдѣльно отъ селенія и окруженной заповѣдною рощею, Стефанъ зажегъ ее, и самъ сѣлъ близъ нея на одномъ возвышенномъ мѣстѣ, ожидая прибытія идолопоклонниковъ. Гамичи, замѣтивъ дымъ и пламя, устремились къ кумирницѣ, уже со всѣхъ сторонъ объятаго пламенемъ; близъ нея они увидѣли виновника ея сожженія, спокойно ихъ ожидаваго и—были поражены страхомъ и недоумѣніемъ, не зная что дѣлать. Ихъ удивляла неустрашимость Стефана, не бѣжавшаго и не скрывавшагося отъ нихъ. Обступивъ его со всѣхъ сторонъ съ дикими воплями, они замахивались на него топорами и дубинами, осыпали ругательствами и угрожали смертію, но не смѣли коснуться его. Страшно было гамичамъ поднять руки на того, кого не поразили сами боги. Толпа заволновалась иначе и раздѣлилась, одни говорили: надобно убить или изгнать его, онъ истребитъ всѣхъ нашихъ боговъ; другіе говорили: какъ бить посла московскаго? 11) пусть сами боги поражаютъ его, иные говорили: та бѣда, что онъ самъ не начинаеть, вотъ если бы онъ хотя однажды началъ, давно бы мы растерзали его. Въ это время блаженный Стефанъ, воздвѣвши руки къ небу, въ слухъ народа со слезами молился Богу о просвѣщеніи гамичей, потомъ, обратившись къ нимъ и указывая на догоравшую кумирницу, старался показать имъ ничтожество идоловъ, немогшихъ защищать себя отъ огня, и убѣждалъ ихъ вѣровать Богу истинному. Не многіе, болѣе кроткіе, послушались его убѣжденій и увѣровали, а большая часть народа, хотя и не сдѣлала ему никакого зла, но осталась въ ожесточеніи при своихъ кумирахъ и волхвахъ. Какъ голубица Ноева, не обрѣтши покоя ногамъ своимъ на землѣ еще влажной отъ водъ потонныхъ, возвратилась въ ковчегъ, такъ

11.) Волхвы хорошо знали, что имъ первымъ придется отвѣчать предъ Москвой за его смерть, потому болше желали прогнать, нежели убить его.

и блаженный Стефанъ принужденъ былъ на время удалиться изъ селенія, еще полнаго смрада отъ идольскихъ жертвъ, потому что не ожидалъ большаго успѣха и не надѣялся утвердиться въ немъ въ то время. Поэтому поучивъ новообращенныхъ вѣрѣ, съ спутниками своими отправился далѣе вверхъ по Вычегдѣ и остановился при впаденіи въ нее рѣки Выми, тамъ, гдѣ тогда было главное гнѣздо зырянъ и откуда простирались они далѣе по Вычегдѣ, Выми и Сысолѣ. Здѣсь, въ центрѣ зырянскаго края, Стефанъ съ особенною ревностію сталъ проповѣдывать небесныя истины. Простые сердцемъ съ изумленіемъ слушали новаго проповѣдника и крестились, хотя съ большимъ трудомъ и медленно разставались съ своими суевѣріями. Предметомъ самаго высокаго благоговѣнія служила для зырянъ «прокудливая береза,» громадная по толщинѣ (въ три обхвата) и вышинѣ, стоявшая на возвышенномъ мѣстѣ, неподалеку отъ селенія. Къ ней собирались зыряне съ разныхъ сторонъ и приносили въ жертву лучшую добычу звѣроловства. Стефанъ, поставившій себѣ келью недалеко отъ березы, пользовался собраніями къ пей народа и не опускалъ ни одного случая, чтобы поучить кого—нибудь истинамъ христіанской вѣры. Но такъ какъ эта прокудливая ¹²⁾ береза, давно чтимая, держала въ очарованіи умы и сердца суевѣрнаго народа и была самымъ сильнымъ препятствіемъ уснѣхамъ его проповѣди, то св. Стефанъ, помолвившись Богу, рѣшился разсчитаться съ прокудливымъ духомъ, обитавшимъ въ пей, по представленію народа. Съ надеждою на Бога Стефанъ началъ рубить березу и къ удивленію своему за каждымъ ударомъ сѣкиры слышалъ раздававшіеся въ воздухѣ жалоб-

12) Такое названіе дано ей отъ того, что про нее рассказывали вещи то пугавшія, то восторганшія воображеніе суевѣровъ. Прокудливый 1.) шаловливый, проказливый. 2.) дерк. сварливый, вздорливый, злонаправный. Прол. Іюля 20. См. Словарь цер.-слав. и рус. языка т. III-IV буква П.

ые крики и вопли мужские и женские, старческие и младенческие: «Стефанъ, Стефанъ, зачѣмъ ты пасъ гонишь отсюда, здѣсь наше древнее пребываніе!» за каждымъ ударомъ струнлись изъ дерева ручьи смрадной крови. Въ потѣ лица весь день трудился Стефанъ, но по огромности березы не могъ ее подрубить и, оставивъ вонзенную въ нее сѣкиру, удалился въ свою келью. На другой день, когда онъ опять приступилъ къ работѣ, то съ изумленіемъ увидѣлъ, что сѣкира его лежитъ на землѣ, а береза стоитъ цѣлою безъ всякихъ знаковъ вчерашней его работы. Съ молитвою началъ онъ опять рубить дерево и едва могъ свалить и сечь его на третій день. Онъ понималъ, что возбудить тѣмъ злобу фанатиковъ, но предалъ себя въ волю Вожию. Дѣйствительно язычники, узнавъ о гибели своего божества, сбѣжались, готовые убить Стефана, который, не отвѣчая ни на брань, ни на угрозы ихъ, молитвою приготавливалъ себя къ предстоящему подвигу. Слобойствіе и кротость, съ какими встрѣтилъ онъ зырянъ, грозившихъ ему смертію, поразили однихъ изъ нихъ, другихъ же удержалъ отъ убійства страхъ предъ Москвою. Когда волненіе нѣсколько утихло, Стефанъ обратился къ народу съ проповѣдью. «Судите сами, говорилъ онъ, сильны ли ваши боги, когда они не могутъ защитить себя отъ огня? Боги ли они, когда такъ немощны, когда они не имѣютъ не только смысла, но и слуха и зрѣнія? И отъ меня слабого не умѣло и не могло защитить себя божество ваше. Не таковы ли и всѣ другіе боги ваши? Сколько я одинъ истребилъ и сжегъ ихъ и ни который изъ нихъ не воспротивился мнѣ? Не таковъ Богъ христіанскій. Онъ все видитъ, все знаетъ и все можетъ, онъ создалъ весь міръ и о всемъ промышляетъ. И какъ Онъ благъ, особенно къ знающимъ Его! И желаю вамъ добра, проповѣдуя вамъ истиннаго Бога. Онъ будетъ любить васъ, будетъ благодворить вамъ, когда станете почитать Его искренно». Эта проповѣдь, сильная поразительною очевидно-

стію, обратила сердца многихъ зырянъ къ святой вѣрѣ и такъ какъ около Стефана уже образовалось значительное общество христіанъ, то онъ приступилъ къ сооруженію христіанскаго храма для приношенія въ немъ безкровной жертвы и причащенія повопросвѣщенныхъ, чего до того времени не было по немѣнію церкви. Эту первую православную церковь между зырянами Стефанъ соорудилъ на возвышенномъ холмѣ на берегу Выми, при впаденіи ея въ Вычегду, посвятивъ во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, въ начатокъ просвѣщенія пермской земли, якоже и благовѣщеніе спасенія нашего бѣ начало. Неумолимо заботясь о пасажденіи св. вѣры между язычниками и о духовномъ просвѣщеніи юной паствы, Стефанъ учредилъ при церкви училище, въ которомъ самъ былъ первымъ наставникомъ и руководителемъ, училъ дѣтей часослову, псалтири и другимъ церковнымъ книгамъ, еще въ Ростовѣ переведеннымъ имъ на зырянскій языкъ. Въ этой школѣ изъ своихъ учениковъ онъ образовывалъ пастырей и учителей изъ природныхъ зырянъ, которые, послѣ его смерти, долго управляли словеснымъ его стадомъ. Богослуженіе было совершаемо на зырянскомъ языкѣ, чтобы народъ могъ яснѣе понимать его и учиться догматамъ православія. Не мало любопытныхъ приходило въ устроенную имъ церковь и, слыша христіанское богослуженіе на родномъ языкѣ, не могли не отдать ему преимущества предъ своимъ языческимъ. Въ первомъ зырянскомъ храмѣ, по началу, конечно не могло быть особеннаго благолѣпія въ украшеніяхъ, но грубые язычники, невидавшіе ничего лучшаго, кромѣ своихъ безобразныхъ идоловъ, всегда были поражаемы неземнымъ выраженіемъ лицъ св. угодниковъ на иконахъ, они казались имъ живыми, кроткими, радостными и какъ бы призывали ихъ къ себѣ. При взглядѣ на нихъ зыряне чувствовали восторгъ и умиленіе, чего не случалось съ ними въ ихъ кумирницахъ, и потому говорили другъ другу: пойдемъ

енэсъ видзедны, т. е. видѣть, смотрѣть Бога.-Но такова сила вѣковой привычки, что многіе не хотѣли принимать св. крещенія и оставались въ язычествѣ только потому, что оно было древнее, принятое ими отъ отцевъ, а болѣе грубые готовы были даже убить Стефана, не смотря и на грамоты Московскія, послѣдніе съ намѣреніемъ дѣлали Стефану и новообращеннымъ христіанамъ разнаго рода оскорбленія и обиды съ цѣлію вызвать ихъ на ссоры и драки. Но учитель христіанской любви и кротости и самъ благодушно переносилъ все, и учениковъ своихъ училъ тому же. Это спокойное перенесеніе неприятностей сильно поражало зырянъ, они собрались наконецъ въ большомъ числѣ и въ общемъ совѣтѣ рѣшили, что Стефанъ — чудный учитель, за обиды и оскорбленія платитъ любовью и прощеніемъ, — какъ не слушаться его? Не могъ бы онъ раззорить кумирницъ нашихъ и истребить стальныхъ боговъ, если бы не былъ служителемъ великаго Духа Еиъ, Бога, сотворившаго небо и землю. Послѣ этого совѣщанія народъ еще болѣе началъ собираться къ проповѣднику и просить у него крещенія; блаженный Стефанъ съ радостію принималъ всѣхъ, приходившихъ къ нему, и училъ ихъ христіанской вѣрѣ. Зная же, какое опасное вліяніе могутъ имѣть идолы на недавнихъ язычниковъ, Стефанъ старался и самъ истреблять ихъ, сожигая вмѣстѣ съ ними богатые приношенія, состоящія изъ мѣховъ, — и другимъ совѣтовалъ дѣлать то же и по его внушеніямъ увѣровавшіе зыряне ревностно принялись истреблять предметы прежняго своего поклоненія, рубили священныя деревья, сокрушали идоловъ, а богатые мѣха лисицъ, куницъ и соболей, какіе зыряне приносили въ даръ своимъ божествамъ, представляли Стефану. Но онъ не хотѣлъ ничѣмъ пользоваться и все предавалъ огню, дозволяя только полотно и пелены, бывшія при кумирахъ, употреблять служившему при немъ зырянину Матѣею, въ поруганіе идоламъ, па онучи для обертыванія ногъ. Дивились зыряне пестяжа-

тельности Стефана, видя, что онъ ничего не беретъ себѣ и все предаетъ пламени, особенно же дивились тому, что никакія ихъ заклинанія и волхвованія нисколько ему не вредили. Въ то время, когда язычникъ, осмѣлѣвшійся прикоснуться къ идольскимъ приношеніямъ, развѣшеннымъ въ кумирнищахъ и по лѣсамъ, по дѣйствию дьявольскому, внезапно поражаемъ былъ ужасомъ, корчами и припадками бѣснованія, Стефанъ оставался совершенно невредимъ, что еще болѣе возвышало его въ глазахъ язычниковъ и привлекало къ нему сердца народа, какъ къ учителю безкорыстному, не похожему на ихъ кудесниковъ и находящемуся подъ особеннымъ покровительствомъ своего Бога.

Когда народъ, послѣ совѣщанія, началъ цѣлыми толпами принимать св. крещеніе и Благовѣщенская церковь не могла уже вмѣщать въ себѣ всѣхъ вѣрующихъ, блаженный Стефанъ приступилъ къ постройкѣ другой, болѣе помѣстительной, избравши для этого то самое мѣсто, гдѣ стояла прокудливая береза, ¹³⁾ и посвятилъ ее имени св. Архангеловъ. По мѣрѣ того, какъ возрастало и умножалось духовное стадо Стефана, умножалось и число учениковъ въ его училищѣ, неутомимый труженикъ успѣвалъ вездѣ и на все находилъ время: въ церкви объяснялъ богослуженіе и училъ народъ вѣрѣ, въ училищѣ училъ грамотѣ пермстѣй, разбирая учащихся по способностямъ съ тѣмъ, чтобы «овыхъ въ попы поставить, овыхъ въ діаконы.» Въ благодарность Богу за успѣхи своей проповѣди въ Устьвымѣ Стефанъ соорудилъ еще храмъ во имя святителя Николая, въ день памяти котораго онъ пришелъ туда.—Забываясь о духовномъ просвѣщеніи страны, онъ, какъ мудрый хозяинъ и попечительный отецъ, не опускалъ изъ виду и вѣшняго благосостоянія и безопасности своихъ пасомыхъ. Такъ какъ зыряне нерѣдко подвергались нападѣніямъ дикихъ сосѣдей своихъ вогуличей и не менѣе

13.) Мѣсто, гдѣ стояла береза, находится подъ діакономскимъ амвономъ нынѣшней устьвымской Архангельской церкви.

ихъ жестокихъ повгородскихъ ушкуйниковъ, то, чтобы оградить церкви отъ разрушенія и доставить жителямъ безопасное убѣжище на случай внезапнаго нападенія враговъ, онъ приказалъ оба холма, на которыхъ находились церкви, укрѣпить и обнести валами и канавами, что по тогдашнему времени могло служить достаточною защитою.

Надобно было ожидать, что распространеніе христіанства и построеніе церквей въ Устьвымѣ, самомъ средоточіи Перми, возбудить зависть и злобу въ сердцахъ волхвовъ и туновъ, а равно и въ остававшихся закоренѣлыхъ язычникахъ. Доселѣ встрѣчавшіеся Стефану волхвы не въ состояніи были ему противиться и каждый разъ, какъ только начинали съ нимъ состязаться, были посрамляемы и побѣждаемы. Но въ Князь-погостѣ, гдѣ еще донинѣ видны слѣды древнихъ укрѣпленій, жилъ старѣйшина Вымчей и главный жрецъ и начальникъ всѣхъ волхвовъ и туновъ пермскихъ, знаменитый Памъ сотникъ. Большую часть времени онъ проводилъ въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ, окруженный посѣдѣвшими въ чарахъ и волхвованіяхъ тунами и кудесниками. Зыряне вѣрили, что вся пермская земля управляется его волхвованіями и безпрекословно повиновались ему, почитая всѣ слова его божескими, всѣ имѣли къ нему такое уваженіе и благоговѣніе, что только въ однихъ самыхъ важныхъ и крайнихъ случаяхъ осмѣливались безповонтъ его. Давно уже зналъ онъ о прибытіи въ Пермь проповѣдника новой вѣры и негодовалъ на него за сожженіе кумирницы въ Гамѣ, но когда услышалъ, что Стефанъ не могъ утвердиться въ Гамѣ и скоро былъ принужденъ выйти оттуда, не счелъ нужнымъ беспокоиться, предоставляя побѣдить и прогнать москвитянина мѣстнымъ волхамъ. Вѣсть, что Стефанъ не только не прогнанъ изъ Перми, но уже достигъ Устьвыма, построилъ въ немъ церкви и почти всѣхъ жителей обратилъ ко Христу, привела его въ гнѣвъ и ярость, онъ тотчасъ же сталъ собираться въ путь для единоборства съ Стефаномъ, похваляясь сразу посрамить

его и угрожая, посредствомъ своихъ волхвованій, предать страшнымъ мученіямъ какъ самого проповѣдника, такъ и всѣхъ, послѣдовавшихъ его ученію. Ужасъ распространился въ новопросвѣщенномъ народѣ при вѣсти о скоромъ его прибытіи, прежняя слѣпая вѣра въ его силу и могущество невольно закралась въ неутвержденные еще сердца и привела ихъ въ тяжелое смущеніе. Одинъ только Стефанъ, полный надежды на Бога, не падалъ духомъ и, укрѣпляя народъ въ вѣрѣ, спокойно ожидалъ врага. Скоро прибылъ въ Усть-вымъ и кетерѣливо ожидаемый изычниками Памъ и началъ явно и тайно совращать новообращенныхъ. «Съ чего, говоритъ онъ, вы оставляете вѣру отцевъ вашихъ и не приносите богамъ жертвъ? Какъ можете вы слушаться челоуѣка, пришедшаго изъ Москвы, которая угнетаетъ васъ податями? Развѣ отъ Москвы можетъ быть вамъ какое добро? Не оттуда ли тіуны и приставники, дани и насильство? И кого слушаете? молодого и неизвѣтнаго москвитянина, который годится миѣ во внуки, тогда какъ я и по годамъ вашъ отецъ и вашего роду? Не слушайте юнаго пришельца и укрѣпляйтесь въ вѣрѣ отеческой, чтобы боги не прогнѣвались на васъ.» Народъ отвѣчалъ ему: «Старикъ, не страшень намъ гнѣвъ боговъ твоихъ, они пали отъ руки Стефановой и ужъ не встануть болѣе, иди, состязайся съ нимъ о вѣрѣ и побѣди его, если хочешь, чтобы мы по прежнему вѣрили тебѣ.» «Пойду и посрамлю вашего учителя, съ гнѣвомъ сказалъ имъ волхвъ и вступилъ въ жаркій споръ съ св. Стефаномъ.» «У васъ христіанъ одинъ Богъ, говорилъ Памъ, а у насъ много помощниковъ и на сунѣ и на водѣ, подающихъ намъ счастливую ловитву въ лѣсахъ, такъ что избытками ея мы снабжаемъ и Москву, и орду, и дальнія страны. Боги сообщаютъ намъ въ волхвованіи дальнія вѣсти и тайны, недоступныя вамъ. У насъ одинъ ходитъ на медвѣдя и убиваетъ его при помощи нашихъ боговъ, а у васъ на одного медвѣдя идутъ десять, да и тутъ часто не только не убиваютъ, но и сами

бываютъ имъ растерзаны.» Не трудно было блаженному Стефану дать отвѣтъ волхву, показать ему превосходство христіанства предъ язычествомъ и опровергнуть все возраженія Пама, такъ что наконецъ онъ остался безгласенъ. Хитрый кудесникъ видя, что ему не побѣдитъ Стефана словами, вздумалъ устрашить его и обманомъ присвоить себѣ побѣду. Послѣ долгихъ споровъ Памъ въ оправданіе своей вѣры вдругъ вызвался пройти сквозь огонь и воду, требуя того же и отъ Стефана. Памъ былъ вполне увѣренъ, что Стефанъ никогда не рѣшится на такое безумное предпріятіе, и тогда побѣда останется за нимъ. Каково же было его изумленіе и страхъ, когда Стефанъ принялъ его предложеніе и сказалъ: «я не повелѣваю стихіямъ, но христіанскій Богъ великъ, иду съ тобою.» Затрепеталъ отъ страха посѣдѣвшій въ обманахъ Памъ, но превозмогъ себя и не показалъ виду, что труситъ, думая, что и Стефанъ только на словахъ соглашается, чтобы устрашить его, а на самомъ дѣлѣ никогда не рѣшится на это. Между тѣмъ Стефанъ приказалъ сдѣлать на Вычегдѣ двѣ проруби на льду и зажечь одну хижину, отдѣльно стоявшую отъ селенія; когда пламя обняло ее, онъ, помолвившись Богу и благословивъ предстоящихъ, взялъ Паму за руку, чтобы, по взаимному условію, вмѣстѣ идти въ огонь. Тутъ только волхвъ увидѣлъ, что далеко зашелъ въ своихъ обманахъ и, оцѣпенѣвъ отъ страха, началъ порываться назадъ и въ глазахъ всего народа отказываться отъ своего предложенія. Напрасно звалъ и понуждалъ его Стефанъ, влача за одежду, чародѣй трепеталъ и просилъ избавить его отъ вѣрной смерти. Не согласился онъ также и спуститься въ одну прорубь въ воду, чтобы выйти въ другую прорубь. Тогда Стефанъ сказалъ ему: не самъ ли ты избралъ сей родъ испытанія вѣры, думая устрашить меня? и обратясь къ народу спрашивалъ, чѣмъ считать теперь Паму, когда онъ самъ, потребовавъ рѣшить споръ о вѣрѣ огнемъ и водою, теперь отказывается отъ него и креститься

не хотеть? Что съ нимъ дѣлать? «Обманщика предать смерти, закричалъ весь народъ, онъ несправимъ, если оставить его въ живыхъ, то онъ надѣлаетъ тебѣ пакостей.» Нѣтъ, отвѣчалъ блаженный Стефанъ, Христось не послалъ меня предавать людей смерти, а учить. Намъ не хотеть принять спасительной вѣры, пусть его упорство и накажетъ его, а не я. Но чтобы онъ не развращалъ народа своимъ лжеученіемъ и не сѣялъ клеветъ на чистоту нивѣ Божіей, его слѣдуетъ удалить изъ здѣшной стороны.» Народъ одобрилъ рѣшенію Стефана и Памъ съ безчестіемъ былъ выгнанъ и удалился съ сообщниками своими на берега Оби, гдѣ между береговыми Остяками основалъ селеніе Алтымъ. Благодарный Богу за побѣду надъ волхвомъ Стафанъ построилъ храмъ св. Николаю на Вишерѣ.

Послѣ посрамленія и позорнаго бѣгства Пама вездѣ, куда только не достигала о томъ вѣсть, все народонаселеніе, какъ бы отъ сна пробудившись, снѣшило въ Устьвымъ принять христіанскую вѣру, проповѣдываемую такимъ необыкновеннымъ и святымъ учителемъ. Стефанъ ласково принималъ всѣхъ, кроткими рѣчами убѣждалъ слушателей въ ничтожности языческихъ боговъ, знакомилъ ихъ во время продолжительныхъ всенародныхъ бесѣдъ съ христіанствомъ, не жалѣлъ для этого ни трудовъ, ни времени и такимъ образомъ доводилъ ихъ до познанія Творца вселенной. Забывая о собственномъ покоѣ, онъ днемъ и ночью допускалъ къ себѣ приходившихъ зырянъ, состязуясь съ противящимися и сомнѣвающимися, наставляя и утверждая въ вѣрѣ послушныхъ. Любимымъ мѣстомъ его проповѣди былъ холмъ предъ церковію. Слезы умиленія орошали лице Стефана и высокою духовною радостію наполнялась его душа, когда, восходя на холмъ для проповѣди, онъ видѣлъ тысячи народа, жаждущаго слышать слово Божіе, и съ глубокимъ смиреніемъ просящаго у него крещенія. Рѣки Вымъ и Вычегда ежедневно были кунелию для множества крещаемыхъ. Ревность новооб-

ращеныхъ къ вѣрѣ выразилась въ постройкѣ ими двухъ новыхъ церквей, особенно же, послѣ бѣгства Пама, въ обильныхъ приношеніяхъ для пріобрѣтенія нужной церковной утвари изъ великаго Устюга, процвѣтавшаго тогда торговлею и богатствомъ жителей. Успѣхи Стефана въ обращеніи зырянъ привели имъ на память предсказаніе о немъ праведнаго Пророкія, вслѣдствіе чего богатый и убогій спѣшили послать свои ленты на украшеніе пермскихъ храмовъ. Многія духовныя лица, услышавъ объ апостольскихъ подвигахъ своего земляка, пошли въ Пермь, желая быть его учениками и сотрудниками. Съ помощію ихъ Стефанъ получилъ возможность отправлять богослуженіе во всѣхъ созданныхъ имъ храмахъ. такъ какъ по многолюдству вѣрующіе уже не могли помѣщаться въ одномъ и самъ проповѣдникъ болѣе могъ посвящать времени на наставленія своихъ пасомыхъ, что конечно не мало способствовало успѣхамъ проповѣди. Семь лѣтъ провель блаженный Стефанъ въ своихъ апостольскихъ трудахъ, терпѣливо перенося всѣ обиды и заботясь только о томъ, какъ бы кого обратить отъ тьмы идолопоклонства къ свѣту Христовой вѣры. Онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, что св. вѣра распространилась по всему пространству обширной (малой) Перми, такъ что уже невозможно стало ему одному удовлетворять духовнымъ потребностямъ всѣхъ вѣрующихъ и имѣть надъ ними пастырскій надзоръ. «Той же (Стефанъ) идолы сокруши и крести тамо еще же въ поиѣхъ люди многія, яко до тысящи. ¹⁴⁾ Первые три года онъ подвизался совершенно одинъ, пока не приготовилъ себѣ спутниковъ и учениковъ изъ обращенныхъ зырянъ и пока не пришло къ нему изъ Устюга нѣсколько духовныхъ лицъ, услышавшихъ объ успѣхѣ его проповѣди.

Видя умноженіе своей паствы, разселенной по всему обширному пространству Перми, блаженный Стефанъ рѣшился

14.) Воскрес. лѣт. См. Полное Сообр. лѣт. т. VII, 69, VI. 129. Стен. кн. 1, 524, 525. У Епифанія число обращенныхъ 700.

идти въ Москву испросить для новообращенныхъ епископа.
 15) Въ 1383 г. прибывъ въ Москву, онъ разсказалъ в. князю Димитрію Іоанновичу и митрополиту Имену объ успѣхѣ своей проповѣди среди зырянъ, представляя, что для дальнѣйшаго распространенія христіанской вѣры и для наблюденія за новопроевѣщенными необходимъ особый епископъ, по дальности Перми отъ Ростова. Когда о дѣятельности Стефана узнали въ Москвѣ, то лучшіе люди радовались и съ уваженіемъ отзывались о проповѣдникѣ, а другіе напротивъ говорили: для чего было избрѣтать новыя иисѣмена? Прежде не было грамотности въ Перми, къ чему эта повизна теперь? Если же и цужна грамотность, то довольно русской, и называли блаженнаго Стефана не иначе какъ Хравомъ. Но такъ толковали только люди, скудные смысломъ и гордые своимъ невѣжествомъ, а в. князь былъ въ восторгѣ отъ подвиговъ Стефана. Жатва многа, а дѣлателей мало, сего ради помолимся Господу жатвы, да изведеть дѣлателей на жатву свою, да будетъ наставникъ и руководитель дѣлателей, а я буду ему усердный сослужебникъ и соработникъ на всякое дѣло благое, говорилъ смиренный проповѣдникъ в. князю и митрополиту. Но ни князь, ни митрополитъ съ соборомъ епископовъ не нашли никого достойнѣе самого Стефана занять епископскую кафедру въ Перми. Посвященіе совершилось во Владимірѣ зимою того же 1383 года къ великой радости благочестиваго князя, весьма любившаго и уважавшаго смиреннаго Стефана, давно ему извѣстнаго. Великій князь такъ высоко цѣнилъ личныя его качества, что предоставилъ ему особенныя преимущества предъ другими владыками по управленію епархіею и въ дѣлахъ судныхъ, отдалъ всю устьвымскую волость съ богатыми лугами и пашнями въ вотчину ему съ правомъ безпошлинной торговли для туземцевъ и предо-

15.) Такъ какъ мѣстная ростовская кафедра была далеко, а между тѣмъ много начато было строить церквей, священниковъ же въ столь отдаленный край взять было не откуда.

ставилъ ему же дань ¹⁶⁾ съ прїѣзжавшихъ въ Пермь купцевъ и промышленниковъ. Надѣленный въ Москвѣ богатыми дарами въ пользу новоустроваемой епархіи, епископъ Стефанъ на обратномъ пути вездѣ былъ радостно встрѣчаемъ народомъ по городамъ и селамъ и видѣлъ общую къ себѣ любовь бояръ, духовенства и черни. Всѣ спѣшили принять его благословіе и принести ему отъ своего имущества дары на устроеніе церквей. Полный смиренія и кротости, чуждый мірской суеты и земнаго величія, блаженный Стефанъ глубоко былъ тронутъ этимъ непритворнымъ изъявленіемъ народной любви и въ умиленіи сердца благодарилъ Бога за благочестивое настроеніе чувствъ своихъ современниковъ, не отказывался отъ жертвъ, приносимыхъ на устройство и благолѣпіе церквей, но не принималъ даровъ, лично ему предлагаемыхъ. Простота и строгая нестяжательность были всегдашними спутниками его подвижнической жизни и только усиленные просьбы и опасеніе огорчить отказомъ приносящихъ, могли иногда побудить его принять что-либо и то на случай непредвидѣнныхъ нуждъ и несчастій духовныхъ дѣтей своихъ въ странѣ суровой и малонаселенной. Задерживаемый въ городахъ многочисленнымъ стеченіемъ къ нему жителей, Стефанъ, послѣ долгаго странствованія, достигъ наконецъ предѣловъ своей родины—Устюга, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидало его все народонаселеніе и заранѣе приготовлялось къ радостной встрѣчѣ. По отдаленности Устюга отъ Ростова жители весьма рѣдко имѣли случай видать своихъ архимастырей, а теперь приближался къ нимъ святитель, рожденный и воспитанный въ ихъ городѣ и прославившійся своими апостольскими подвигами въ странѣ языческой. Потому общее влеченіе къ нему народа возрасло до того, что опустѣли обрестныя деревни, оставлены были домашнія работы, забыты недуги и болѣзни, и старъ и младъ проживали въ городѣ, нетерпѣливо ожидая

16.) Собравшуюся до того времени въ великокняжескую казну.

прибытія замляка — владыки, чтобы получить его архипастырское благословеніе.

Накопецъ настала минута нетерпѣливо ожидаемой встрѣчи: торжественный звонъ колоколовъ всѣхъ устюжскихъ церквей возвѣстилъ жителямъ прибытіе пермскаго архипастыря. Не смотря на зимнее время, всѣ устремились за городъ, чтобы скорѣе узрѣть его, духовенство на городской чертѣ ожидало его съ хоругвями и иконами, граждане съ хлѣбомъ и солью. Клики восторга заглушали церковное пѣніе и звонъ колоколовъ, народъ въ избыткѣ радостныхъ ощущеній, слезами выражалъ свои сердечныя чувства и привѣтствія. Въ святительской мантии, обруженный духовенствомъ въ блестящихъ ризахъ, смиренный Стефанъ, благословляя народъ, медленно шелъ въ тотъ самый соборъ, въ которомъ нѣкогда былъ причетникомъ и гдѣ, руководимый своимъ отцемъ, учился онъ церковному чтенію и пѣнію. Войдя въ него, онъ увидѣлъ предъ собою тѣ же св. иконы, предъ которыми въ юности молился съ отцемъ своимъ, тѣ же предъ ними лампады, которыя самъ возжигалъ; въ предстоявшемъ ему духовенствѣ узналъ многихъ изъ тѣхъ, при которыхъ началъ свое служеніе церкви, минувшее воскресло въ его памяти и слезы умиленія оросили его лице. Выходя изъ собора, онъ до земли поклонился на томъ мѣстѣ соборной паперти, гдѣ нѣкогда, безъ малаго за сто лѣтъ праведный Проконій, остановивъ младенца—мать его, произнесъ о немъ свое пророчество, назвавъ епископомъ Перми. Съ теплою молитвою припалъ онъ къ прославленному уже гробу юродиваго и благоговѣнно лобызая его св. икону, усердно просилъ его молитвеннаго къ Богу ходатайства за себя и за свою паству. Посѣтилъ онъ и осиротѣлый родительскій кровъ, мѣста любимыя въ дѣтствѣ, обошелъ монастыри и церкви, служилъ, проповѣдывалъ, павѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, исцѣлялъ страждущихъ и благотворилъ повсюду. Не было въ Устюгѣ человѣка, который не считалъ бы своимъ долгомъ удѣлить

часть своихъ избытковъ на нужды и устройство новой каедры, богатый и бѣдный одинаково просили Стефана принять ихъ припошенія. Между тѣмъ въ Пермь, считая недѣли и дни, съ нетерпѣньемъ ожидали его ученики и, промедливъ на родинѣ богѣе, нежели предполагалъ, Стефанъ поспѣшилъ отправиться къ своей паствѣ. Умилительна была радость зырянъ, его встрѣчали какъ отца и благодѣтеля, всѣ плакали и цѣловали его одежду. Вмѣстѣ съ Стефаномъ, по его избранію и приглашенію, прибыло въ Устьвымъ, съ сего времени называемый владычнимъ городомъ, нѣсколько духовныхъ лицъ, чтобы помогать ему въ распространеніи и утвержденіи православной вѣры между оставшимися еще среди зырянъ язычниками. Прибывъ въ Устьвымъ, Стефанъ первоначальную Благовѣщенскую церковь назвалъ своимъ кафедральнымъ соборомъ, а Архангельскую сдѣлалъ демовою или крестовою церковію великопермскихъ архіереевъ, близъ которой всѣ они жили до самаго перенесенія каедры въ Вологду. Построивъ при ней нѣсколько келій для братіи, Стефанъ основалъ тѣмъ первый монастырь въ Пермь, называвшійся Архангельскимъ и существовавшій до 1764 г., и принималъ въ него престарѣлыхъ зырянъ и самъ служилъ для нихъ примѣромъ подвижнической жизни. Способныхъ изъ учениковъ своихъ онъ посвящалъ въ причетники, діаконы и священники, такъ что не только въ соборѣ и монастырѣ, по впоследствии и во всѣхъ новоустроенныхъ церквяхъ духовенство было природное, зырянское. И попове его, говоритъ Епифаній, пермскимъ языкомъ служажу обѣдню, заутреню же и вечерню, и канонархи его по пермскимъ книгамъ канонархаху, пѣвцы же всяко пѣніе пермски возглашаху.

Святителю надлежало еще осмотрѣть свою обширную паству, чтобы видѣть, какъ живутъ въ вѣрѣ вновь обращенные, и если можно, содѣйствовать новымъ успѣхамъ вѣры. Поэтому, устроивъ дѣла въ Устьвымѣ, онъ поспѣ-

шилъ отправиться въ путь. Во время путешествія вмѣстѣ съ догматами истинной вѣры онъ преподавалъ правила семейной и гражданской жизни, миролюбиво рѣшалъ споры, защищая слабыхъ отъ сильныхъ, и своею благотворительностію и кроткими бесѣдами болѣе и болѣе привязывалъ къ себѣ народъ. Руководимые въ своихъ начинаніяхъ его мудрыми совѣтани, зыряне сами видѣли, что они наслаждаются такимъ спокойствіемъ, довольствомъ и безопасностію, какими не пользовались при прежнихъ правителяхъ. Дани не казалась обременительною, потому что туны, вприски и даньщики не смѣли обременять ихъ излишними налогами, не смѣли по прежнему нибого обязать и притѣснять безвинно, такъ какъ Стефанъ имѣя право участвовать въ гражданскомъ дѣлопроизводствѣ и управленіи краемъ, готовъ былъ всегда явиться на помощь и защиту угнетенныхъ. Во многихъ мѣстахъ добрый настырь съ утѣшеніемъ видѣлъ благіе плоды своей проповѣди: искреннюю пажобность и усердіе къ вѣрѣ, миръ и любовь во взаимныхъ между собою сношеніяхъ у тѣхъ, которые еще недавно были такъ злы и дикы. Христіанство видимо переродило ихъ и сдѣлало лучшими. Но не вездѣ приводилось встрѣчать ему одно пріятное. Жители Гама, такъ недружелюбно пррпавшіе его въ первый разъ и едва не убившіе за сожженіе кумирницы, и теперь были такъ же грубы и недружелюбны, хотя уже и не смѣли дѣлать ему никакихъ дерзостей. И тѣ немногіе, которые приняли тогда св. крещеніе, бывъ совращены кудесниками и тунами, нагло смѣясь говорили ему, что они опять «ѣдятъ бѣлогъ». Больно было слышать это святителю. Слепой народъ! Пусть будетъ Гамъ слѣпымъ, сказалъ онъ со скорбію. Съ того времени попыиѣ волость эту называютъ слѣпой Гамъ; мало того жители Гама попыиѣ близоруки, подслѣповаты и извѣстны также подъ именемъ «слѣпородовъ». Другой случай, бывший во время этого путешествія Стефана, поразителенъ въ дру-

гомь отношеніи. Въ селѣ Тулимѣ, въ 25 верстахъ ниже Пренска, одна женщина, видя худую обувь праведника, дала ему новыя портянки. Святый, благословляя простосердечную благотворительность, предсказаль, что это мѣсто будетъ торговымъ, и, несмотря на недостатокъ удобствъ для торговли, оно дѣйствительно сдѣлалось такимъ.

Завидуя счастію земляковъ, вогуличи, непримиримые враги христіанства, побуждаемые волхвами и тунами, убѣжавшими къ нимъ отъ проповѣди Стефана, сдѣлали хищническое нападеніе на пермскую землю. Опустошивъ верхневычегодскія и сысольскія селенія, они многочисленными ватагами устремились къ Устьвуму съ намѣреніемъ разрушить и предать пламени все, устроенное Стефаномъ. Съ звѣрскою лютостію убивали они беззащитныхъ поселянъ, зорили поля, рѣзали скоть, грабили и жгли дома, такъ что уstraшенный народъ, оставивъ все и спасая свою жизнь, въ ужасѣ толпами бѣжалъ въ Устьвумъ. Это было въ 1385 году, на третій годъ епископства св. Стефана. При первой вѣсти о нападеніи вогуличей Стефанъ тотчасъ же отправилъ гонца въ Устюгъ съ требованіемъ немедленной присылки ратныхъ людей для отпора врагамъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія для защиты и обороны церквей. Онъ велѣлъ жителямъ сносить все свое имущество на два укрѣпленные холма къ собору и монастырю и съ оружіемъ въ рукахъ ожидать тутъ непріятеля, а самъ совершалъ въ то же время моленіе о помощи Божіей и съ крестнымъ ходомъ обошелъ весь владычный городъ, ободряя и воодушевляя народъ. Готовый положить душу свою за своихъ духовныхъ дѣтей, онъ не сталъ ожидать нападенія враговъ, но облекшись въ святительскую одежду, совсѣмъ духовенствомъ и съ нѣкоторыми изъ зырянъ самъ поплылъ на лодкахъ вверхъ по Вычегдѣ на встрѣчу врагамъ. Вогуличи издали замѣтили ладью Стефана, грознымъ показалось имъ лице его, какъ бы огнемъ горѣло никогда невиданное ими

святительское его облаченіе, а самъ онъ казался имъ какъ бы мечущимъ въ нихъ огненныя стрѣлы. Болѣе дерзкіе, нежели мужественные, суевѣрные язычники, припавъ его за страшнаго волхва, въ ужасѣ бросились бѣжать, оставивъ все награбленное у зырянъ, и съ тѣхъ поръ во всю жизнь, Стефана ни однажды не смѣли подходить и нападать на Устьвымъ, боясь могущественнаго «туна-чернеча Стэпэ» и безпокоили только однихъ отдаленныхъ верхневычегодскихъ зырянъ.

Но едва только удалились вогуличи съ верховьевъ Вычегды, какъ въ томъ же году противоположная сторона ея, болѣе населенная и богатая, подвергалась нападенію другихъ враговъ-ушгуйниковъ. Новгородская вольница ограбила и раззорила большую часть нижневычегодскихъ селеній. Ревностный пастырь поспѣшилъ въ стапъ буйной ватаги и то умолялъ ихъ словами евангельскими, то устрашалъ гнѣвомъ Божиимъ. Вольница каялась, возвращала награбленное, платила за убытки и удалялась. Но не успѣвалъ еще народъ оправиться и загладить слѣды опустошенія, какъ являлись другія шайки Новгородцевъ, снова грабили тѣ же селенія, и опять Стефанъ долженъ былъ увѣщевать грабителей и защищать свою паству. Частые набѣги ихъ побудили наконецъ Стефана отправиться въ Новгородъ и ходатайствовать у вѣча о воспрещеніи ушгуйникамъ нападать на пермскія земли. Посѣщая Новгородъ въ первый разъ и не имѣя въ немъ никакихъ знакомыхъ, Стефанъ думалъ, что ему трудно будетъ пріобрѣсти расположеніе вѣча, часто неуступавшаго великимъ князьямъ, и получить отъ него просимое, но къ изумленію своему онъ вездѣ встрѣчалъ общее къ себѣ уваженіе. Въ Новгородѣ давно знали о подвигахъ святителя и владыка новгородскій, посадники и бояре съ радушіемъ приняли апостола Перми, какъ дорогаго гостя св. Софіи, и постарались расположить къ нему вѣче, которое и постановило: удовлетворить справедливыя жалобы

епископа, представить виновных на судъ вѣча, а всей новгородской вольницѣ воспретить касаться впредь предѣловъ устьвымской епархіи. Возвращеніе его изъ Новгорода было радостнымъ днемъ для его паствы. Тѣмъ, что получилъ Стефанъ по рѣшенію вѣча въ вознагражденіе за раззоренія ушкуйниковъ и что дали ему въ даръ посадники и бояре-оля надѣлили пострадавшихъ почти въ такой же мѣрѣ, въ какой они потеряли. Съ помощію добраго архипастыря народъ завелъ прежній хозяйственный бытъ и почти забылъ прежнія раззоренія. Этимъ не кончились однако заботы Стефана о благосостояніи своей паствы: приближался другой врагъ, болѣе страшный и неумолимый—голодь, какъ бы для испытанія вѣры новопросвѣщенныхъ и для обнаруженія во всемъ блескѣ неумолимой дѣятельности и отеческой заботливости св. Стефана о пасомыхъ. Въ 1386 г. озимовой хлѣбъ во всей Перми вызябъ отъ продолжительной и холодной весны, поля въ другой разъ были засѣяны яровымъ, чрезъ что истощились запасы хлѣба, но продолжительная холодная погода и ранніе осенніе морозы не дали созрѣть и яровому, такъ что народъ еще съ осени остался совершенно безъ хлѣба, безъ всякой надежды на будущее, такъ какъ поля не были засѣяны. Торговцы, пользуясь случаемъ стали продавать хлѣбъ по неслыханно—дорогой цѣнѣ. Вопли голодныхъ терзали душу святителя; онъ открывалъ свои житницы, однимъ давалъ хлѣбъ безденежно, другихъ ссужалъ деньгами, но несчастіе не уменьшалось, голодь усиливался съ каждымъ днемъ и въ дальнихъ деревняхъ достигъ плачевной крайности. Многіе оставили свои дома и гложя древесную кору чуть живыми достигали Устюга, другіе помирали съ голоду на дорогѣ. Святитель употреблялъ все, что могъ для уменьшенія страшнаго бѣдствія, нѣсколько разъ выписывалъ хлѣбъ изъ Устюга, а когда и тамъ не стало хлѣба для продажи, то посылалъ за нимъ въ Вологду. Естественно, что вслѣдствіе голода зыряне не въ состояніи были платить подати, которыя вымогали у

нихъ тіуны и даньщики великокняжескіе. Стефанъ отпавилъ посланіе къ в. князю, въ которомъ, изобразивъ постигшее Пермь бѣдствіе и свои противъ него мѣры, просилъ временной льготы для бѣднаго народа, даньщиковъ же убѣждалъ до полученія отвѣта государя на свое прошеніе остановиться сборомъ податей. Посланіе Стефана не застало в. князя въ Москвѣ, онъ ходилъ тогда наказывать Новгородъ за самовольство и грабежи его ушкуйниковъ, не оставлявшихъ въ покоѣ и великокняжескихъ вотчинъ. Бояре государя, получившіе посланіе святителя въ его отсутствіе, не смѣли сами собою сдѣлать никакого распоряженія и только по возвращеніи князя представили ему посланіе святителя. Димитрій Юанновичъ глубоко былъ тронутъ плачевнымъ состояніемъ зырянъ и тотчасъ же приказалъ недомки прежнихъ лѣтъ простить, на годъ освободить народъ отъ подати, а убытки, понесенные епископской каедрей, щедро вознаградилъ дарами и деньгами, сверхъ того къ архангельскому монастырю приписана была большая часть деревень, находившихся близъ владычнаго народа. Народъ, услышавъ о милости в. князя вздохнулъ свободно и сталъ выходить изъ лѣсныхъ тущобъ, куда скрывался отъ жадности тіуновъ и сборщиковъ. Между тѣмъ Святитель простеръ свою отеческую заботливость еще далѣе: когда стали засѣвать поля, онъ давалъ сѣмена; когда нужно было завести домашній рабочій скотъ, есужалъ деньгами; если кому надобно было приобрести звѣроловныя снаряды, онъ покупалъ ихъ и помогалъ выгодно продавать лѣсную добычу. Ни одинъ отецъ никогда не заботился такъ о своихъ дѣтяхъ, какъ онъ о благѣ своихъ пасомыхъ. Признательный народъ не зналъ чѣмъ и какъ благодарить за то своего благодѣтеля.

Отечесніе заботы Стефана не ограничивались попеченіемъ о виѣшнемъ благосостояніи народа, но преимущественно направлены были къ нравственному его усовершенствованію и укрѣпленію въ вѣрѣ; въ этомъ отношеніи дѣятель-

ность его еще изумительнѣе. Послѣ голода онъ въ короткое время успѣлъ посѣтить самыя отдаленныя мѣста своей епархіи, былъ на Венденгѣ и Вишерѣ, въ селеніяхъ верхневыходежскихъ, доходилъ до границы великой Перми (чусовой) по рѣкамъ Сысолѣ и Лузѣ, вездѣ поучая народъ вѣрѣ и благочестію, водворяя порядокъ и оставляя слѣды своей благотворительности. Привлекаемые его добротою, остававшіеся еще язычники толпами слѣзили къ нему, прося крещенія. Съ отеческою любовію принималъ ихъ святитель и радовался приращенію новыхъ чадъ церкви. Въ 13 лѣтъ своего епископства въ Перми св. Стефанъ построилъ много церквей и основалъ 4 монастыря съ тою цѣлію, чтобы иноки служа новообращенному народу примѣромъ христіанскихъ добродѣтелей, болѣе и болѣе утвержали его въ догматахъ православной вѣры. Начальниками монастырей были усердные сподвижники Стефана, старавшіеся подъ его руководствомъ утвердить и распространить христіанство окрестъ своихъ обителей. Къ сожалѣнію до насъ не только не дошло никакихъ подробностей о ихъ полезной дѣятельности, но неизвѣстны даже и самыя имена ихъ, кромѣ пр. Димитрія, основателя и начальника Цилибинскаго монастыря; память его и до нынѣ благоговѣнно чтить благодарное потомство, какъ усерднаго распространителя св. вѣры въ окрестности его обители и какъ великаго угодника Божіи.

Въ 1389 году Стефанъ оплакалъ своего высокаго благодѣтеля, в. князя Димитрія, всегда къ нему ласковаго и благосклоннаго, оказавшаго столько милостей его новообразованной епархіи; онъ скорбѣлъ душою о такой уtratѣ для государства, проливалъ слезы и молился объ упокоеніи души государя пажобнаго и добродѣтельнаго. Вскорѣ представился ему случай видѣть въ Москвѣ его наслѣдника, который благосклонно принялъ и обласкалъ его. Въ 1390 году митрополитъ Гипріанъ вызвалъ пермскаго святителя въ Москву на соборъ по церковнымъ дѣламъ. Во время этого путешествія,

поспѣшая въ Москву, Стефанъ не заѣхалъ въ Троицкій монастырь (находившійся всторонѣ отъ дороги верстахъ въ десяти) для посѣщенія духовнаго брата и друга своего Сергія, думая сдѣлать то на обратномъ пути, но остановившись на дорогѣ, прочиталъ молитву «достойно есть», поклонился въ ту сторону, гдѣ находилась обитель, и, благословивъ руками сказалъ: «миръ тебѣ, духовный братъ мой.» Пр. Сергій сидѣлъ въ это время съ братією за трапезою и, уразумѣвъ духомъ преподанное ему Стефаномъ цѣловашіе и благословеніе, немедленно всталъ изъ за трапезы и немного постоявъ, сотворилъ молитву и до земли поклонившись, сказалъ: «радуйся и ты, пастырь Христова стада, и миръ Божій да пребываетъ съ тобою.» Изумились братія необычайному востанію Сергія отъ трапезы прежде установленнаго времени, нѣкоторые подумали, что онъ имѣлъ какое-либо видѣніе, и по окончаніи трапезы спрашивали его о случившемся. Въ этотъ самый часъ епископъ Стефанъ, идущій въ Москву, сталъ противъ монастыря нашего и поклонился св. Троицѣ и насъ смиренныхъ благословилъ, отвѣчалъ Сергій, указавъ и мѣсто, гдѣ это случилось. Въ Москвѣ пермскій святитель встрѣтилъ къ себѣ особенное вниманіе и уваженіе какъ со стороны перво святителя русской церкви, такъ и со стороны новаго в. князя Василія Димитріевича. Въмѣстѣ съ митрополитомъ Кипріаномъ онъ былъ въ Твери на соборѣ, судившемъ тверскаго епископа Евфимія Внеленя за несоблюденіе церковнаго устава. Великій князь и бояре одарили св. Стефана богатыми дарами, на которые онъ построилъ при своей архангельской обители странноприимный домъ, гдѣ съ любовію принималъ и поконилъ безпомощную бѣдность. Благосклонный пріемъ святителя въ Москвѣ и благоволеніе къ нему новаго в. князя много значили и для пермскихъ гражданскихъ чиновниковъ, позволявшихъ себѣ въ отдаленномъ краю всякаго рода насилія и несправедливости, отъ которыхъ жестоко страдали зыряне. Тіуны и данщики, опасаясь Стефана, прекратили свои насилія и своевольтва.

Въ 1392 году сосѣдственная Пермь Вятка, основанная въ 1174 г. новгородскими выходцами, славная богатствомъ и народонаселеніемъ и цвѣтущая промышленностію и торговлею жителей, подверглась нападенію и раззоренію отъ татаръ. Сосѣдство ея было выгодно для Перми и относительно народной безопасности, потому что она защищала Пермь отъ нападеній за-камскихъ обитателей, и относительно развитія зырянской торговли и промышленности, такъ какъ вятчане, слишкомъ 200 лѣтъ господствуя по Вяткѣ, Камѣ, Чусовой и отчасти по Лузѣ и Сысолѣ, давно пріобрѣли извѣстность своею промышленною и торговою дѣятельностію, охотно брали у зырянъ лѣсную добычу, доставляя имъ за то все для нихъ необходимое. Св. Стефанъ дорожилъ близостію и благосостояніемъ этой предприимчивой страны тѣмъ болѣе, что настоящее несчастіе вятичей должно было отразиться и на зырянахъ, повлечь за собою упадокъ мѣстной промышленности въ пограничныхъ зырянскихъ селеніяхъ, породить бѣдность въ странѣ и открыть ее нападеніямъ хищниковъ. Кромѣ того торгуя по Лузѣ и Сысолѣ, вятчане, какъ христіане, много способствовали устройству и украшенію тамошнихъ храмовъ. Но постигшее ихъ бѣдствіе ожесточило вятчанъ. Лишившись всего своего состоянія и доведенные до отчаянія, вятчане многочисленными толпами нахлынули на сосѣднія пермскія деревни, прося себѣ крова и пищи и силою отнимая требуемое у невинственныхъ зырянъ. Начались грабежи и убійства. Какъ татары выгнали ихъ, такъ они начали гнать зырянъ, намѣреваясь поселиться въ ихъ селеніяхъ. Лишь только св. Стефанъ узналъ о томъ, что вятичи изъ добрыхъ сосѣдей и благодѣтелей сдѣлались ожесточенными врагами и разбойниками, онъ тотчасъ же поспѣшилъ на Сысолу и Лузу, чтобы защитить своихъ пасомыхъ. Явившись къ вятчанамъ, онъ сожалѣлъ о постигшемъ ихъ несчастіи, совѣтовалъ не унывать и не подвергать тому же другихъ, а стараться прогнать татаръ и возвратить назадъ отнятое ими, обнадеживая успѣ-

хомъ, въ противномъ же случаѣ грозилъ судомъ Божиимъ и гнѣвомъ великокняжескимъ. Труды его не были напрасны. Вятчане ушли въ свои разоренные города и, соединившись съ повгородцами и устюжанами, отомстили татарамъ, сожгли много татарскихъ городовъ по Волгѣ и возвратились домой съ богатою добычею, благодаря святителя за его добрый совѣтъ. Последнею услугою св. Стефана пермскому краю было то, что онъ положилъ конецъ злодѣйствамъ разбойника Кортъ-Айки, (отъ имени котораго получило свое названіе селеніе Корт-керось) долгое время наводившаго ужасъ на жителей.

Святая жизнь и апостольскіе труды Стефана, а также и образованіе, которымъ онъ превесходилъ другихъ епископовъ, высоко поставили его въ глазахъ современниковъ и привлекли къ нему отъ всѣхъ такое уваженіе, что и великіе князья относились къ нему съ особенною благосклонностію и митрополитъ не предпринималъ ничего важнаго безъ совѣта съ нимъ, постоянно вызывая его въ Москву на церковные соборы, не смотря на отдаленность его епархіи. Такъ въ 1390 году онъ былъ въ Москвѣ и Твери по дѣлу тверскаго епископа, въ 1396 году митрополитъ Кипріянь снова приглашалъ его къ себѣ для церковныхъ дѣлъ. По годамъ своимъ Стефанъ еще не былъ старцемъ «лѣтнимъ»,¹⁷⁾ имѣя только около 50 годовъ отъ роду, но его келейные подвиги и особенно долговременные проповѣдническіе труды, дальнія и измучительныя странствованія, непрестанныя заботы и душевныя огорченія до того разстроили и изнурили его здоровье, что онъ казался гораздо старше, чѣмъ былъ, и самъ уже предчувствовалъ близость своей кончины. Когда онъ получилъ приглашеніе митрополита, Господь открылъ ему, что его нутешествіе въ Москву будетъ уже послѣднимъ и что онъ не увидитъ болѣе своей Перми. Тяжело было его отеческому

17.) Отъ слова лѣтный, ежегодный. См. Словарь цер. слав. и рус. языка т. I—II, буква Л.

сердцу навсегда разстаться съ своими дѣтьми, не повидавшись съ ними еще разъ и не преподавши имъ своего послѣдняго наставленія и благословенія, а путешествовать самому по ихъ селеніямъ уже не было времени. По этому собираясь въ путь, онъ созвалъ въ Устьвымъ большую половину своей паствы и долго бесѣдовалъ, поучая народъ отъ божественныхъ писаній, наказывая свято соблюдать христіанскую вѣру и повиноваться пастырямъ церкви. Онъ объявилъ своимъ слушателямъ, что бесѣдуетъ съ ними уже въ послѣдній разъ и что они не увидятъ его больше. Какъ прежде въ Котласѣ, впервые вступая въ пермскую землю, онъ началъ дѣло проповѣди усердною коленопреклоненною молитвою, такъ и нынѣ заключилъ свою проповѣдническую дѣятельность также молитвою: преклонивъ колѣна, онъ вслухъ всего народа поручалъ его храненію Промысла Божія и заступленію Пресвятой Дѣвы Маріи. Увѣщевая другихъ не печалиться о разлукѣ съ нимъ, онъ самъ не могъ удержаться отъ слезъ; за нимъ зарыдала и вся его паства. Эта трогательная сцена живо напоминала прощаніе апостола Павла съ ефесскими пастырями, тѣмъ болѣе, что апостоль Перми имѣлъ много общаго въ своей дѣятельности съ апостоломъ Павломъ, подобно ему стараясь всѣмъ быть вся. Чувствовали и понимали зыряне, кого лишились въ св. Стефанѣ, какъ много теряли безъ него во всѣхъ отношеніяхъ и не находили словъ для выраженія его заслугъ. Ихъ жалобные стоны и плачь заглушали слова Святителя. Взглянувъ въ послѣдній разъ на каедральный соборъ и архангельскій монастырь, гдѣ провелъ 13 лѣтъ и троекратно благословивъ предстоявшихъ, св. Стефанъ, чтобы не надрывать болѣе своего сердца, поспѣшилъ оставить владычій городъ. Тысячи народа бѣжали провожать его, оглашая воздухъ плачемъ и рыданіями и причитая по немъ какъ по умершемъ; скоро быстрые кони унесли его изъ виду народа, а народъ долго еще стоялъ и плакалъ, глядя въ ту сторону, куда поѣхалъ святитель. «То перво остахомъ

добра промысленника и ходатая, иже къ Богу молишеся о спасеніи душъ нашихъ, а къ князю о жалобѣ нашей и о льготѣ и пользѣ нашей; къ бояромъ же, къ началомъ—властелемъ міра сего былъ нашъ заступникъ теплый, многожды избавляя ны отъ насилій и работы и тивунскія продажи и тяжкія дани облегчая ны. Но и сами тѣи повгородци—ушкуйницы разбойницы, словесы его увѣщсвахуся, еже не воевати ны, уливаясь слезами говорили зыряне.

Душевные потрясенія и продолжительный путь, сопряженный, по тогдашнему времени, со многими неудобствами, ускорили кончину блаженного пастыря, уже ослабѣвшаго тѣлесными силами. Прибывъ въ Москву, св. Стефанъ скоро заболѣлъ легкимъ недугомъ и, послѣ немногихъ дней болѣзни, почувствовалъ, что уже приближается его кончина. Всѣ спѣшили посѣтить болящаго: иноки и бояре, митрополитъ и самъ в. князь, и всѣхъ съ радушіемъ принималъ блаженный, перемогая себя и стараясь скрыть свое изнеможеніе. Предъ самую кончиною призвавъ всѣхъ своихъ спутниковъ, долго бесѣдовалъ съ ними, напоминая имъ труды свои убѣждалъ пребывать твердыми въ вѣрѣ, завѣщалъ имъ отвезти обратно въ Устьвымъ святительскія его ризы, книги и домашнія одежды, какъ послѣдній памятникъ и залогъ любви его къ своей паствѣ. Потомъ приобщившись св. таинъ, велѣлъ одному изъ пресвитеровъ окадить ѳиміамомъ келью, а другому читать канонъ на исходъ души. Какъ пловець, достигшій тихой пристани, какъ дѣлатель, кончившій трудную работу—святитель спокойно и весело взиралъ на предстоящихъ, тихо молясь Богу, и когда молитва была еще на устахъ, праведная душа его не замѣтно оставила многотрудное тѣло. Св. Стефанъ преставился въ праздникъ Преполовенія пятидесятницы, вечеромъ 26 Апрѣля 1396 года. Великій князь, митрополитъ съ собравшимися на соборъ епископами, бояре, духовные и великое множество народа собрались на погребеніе святителя; всѣ старались воздать послѣдній долгъ апостолу

Перми и цѣловать честное и многотрудное тѣло его. По повелѣнію благочестиваго государя тѣло св. Стефана предано было землѣ на царскомъ дворѣ, въ монастырѣ у Спаса за стѣною, что нынѣ Спасъ на бору, въ соборной церкви у лѣвой стѣны, гдѣ и донынѣ мощи его покоятся подъ спудомъ. При ракъ святителя въ Спасскомъ соборѣ долго сохранялся его апостольскій посохъ, впоследствии обложенный костью съ вырѣзанными на ней изображеніями подвиговъ Стефана и съ надписью: «се есть дѣяніе епископа Стефана пермскаго;» но въ 1612 году, во время занятія столицы поляками, гетманъ Ходкевичъ взялъ его изъ собора и отдалъ Супрасльскому монастырю литовской епархіи. Въ 1849 году по повелѣнію Св. Синода посохъ перваго пермскаго епископа переданъ въ пермскій кафедральный соборъ.

Нынѣ трудно съ точностію означить предѣлы обширной епархіи св. Стефана, заключавшейся въ четырехъ величайшихъ уѣздахъ Европейской Россіи: сольвычегодскомъ, яренскомъ, устьсыольскомъ вологодской губерніи и отчасти въ мезенскомъ—архангельской губерніи. Епифаній, не бывшій самъ на мѣстѣ подвиговъ Стефана, говоритъ только, что онъ строилъ церкви и монастыри заводилъ и въ черицы постригалъ и игуменовъ ставилъ, не опредѣляя, до какихъ именно мѣстъ простиралась его проповѣдь. Мы не знаемъ всѣхъ мѣстностей, въ которыхъ построены были Стефаномъ церкви, но и по однимъ монастырямъ можно хотя приблизительно судить, какъ обширна была его епархія. Начавши проповѣдь съ Котласа при устьѣ Вычегды, онъ простеръ ее до Устьвыма, сдѣлавъ его средоточіемъ своей дѣятельности. Идя по той же рѣкѣ на востокъ, встрѣчаемъ на верховьяхъ ея пустынь Спасскую Ульяновскую, въ 165 верстахъ отъ Устьсыольска, построенную имъ для просвѣщенія окрестныхъ жителей въ верховьяхъ Вычегды, а другую Стефановскую, во имя ангела его архидіакона Стефана, въ 50 верстахъ къ югу отъ Устьсыольска, гдѣ нынѣ село Вотча. Последняя осно-

вана была съ тою цѣлю, чтобы иноки ея могли дѣйствовать на зырянъ, жившихъ на рѣкахъ Сысолъ и Лузъ. Въ ней еще въ прошломъ столѣтїи нѣкоторые церковные стихи пѣли на зырянскомъ языкѣ. Къ западу отъ Устьяма на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится яренская градская покровская церковь, Стефаномъ основанъ былъ монастырь Архангельскій, а далѣе въ 28 верстахъ отъ Яренска на лѣвомъ берегу Вычегды—Цилибнискій, чтобы они могли служить перенутьемъ для иноковъ, приходившихъ изъ россїи, и дѣйствовать на сѣверозападныхъ зырянъ. Такимъ образомъ отъ Устьяма, постоянного мѣстопробыванія Стефанова, епархїя его простиралась во всѣ стороны на нѣсколько сотъ верстъ по теченію рѣкъ (500 и болѣе. Муравьевъ въ житїи св. Стефана).

Забывая о просвѣщенїи и благѣ зырянъ при своей жизни, св. Стефанъ не переставалъ благодѣтельствовать имъ и по смерти, и нашедши покой трудолюбивому тѣлу своему въ Москвѣ, духомъ онъ назиралъ свою паству, являясь иногда даже очевидно. Одно изъ такихъ посмертныхъ явленій святителя записано было современниками и дошло до насъ. Вотъ оно. На Вишерѣ, населенной усердными почитателями Пама, упорными и закоренѣлыми идолопоклонниками, куда удалились многіе волхвы и туны отъ проповѣди Стефановой, христіанство при жизни святителя не имѣло большихъ успѣховъ и несмотря на всѣ труды святителя, не многіе только крестились. У нихъ не было даже церкви, и новокрещенные собирались молиться въ одну небольшую часовню. Въ томъ же году, когда скончался святитель, однажды вишерцы послѣ утренней молитвы въ часовнѣ, увидѣли лодку, плывущую противъ теченія рѣки Вишеры. Въ лодкѣ не было сѣдога, но на противоположномъ отъ селенія берегу стоялъ сѣдовла- сый старецъ и грозно приказывалъ народу чествовать драго- цѣнное сокровище, которое Богъ посылаетъ землѣ вишерской. Когда лодка приплыла къ берегу, старца стало невидно. Изум- ленные вишерцы съ трепетомъ подошли къ лодкѣ и увидѣли

въ ней икону Богоматери чуднаго письма, предъ которою еще теплилась свѣча. Недоумѣніе и страхъ смѣнились радостію, вишерцы съ благоговѣніемъ перенесли св. икону въ свою часовню и вскорѣ послѣ нея построили церковь въ честь Богоматери, отъ иконы которой совершались многія чудеса, привлекая къ христіанству весь полунощный край. Въ старцѣ, приказывавшемъ принять икону, народная любовь узнала своего святителя Стефана. ¹⁶⁾

Уважаемый современниками какъ ревностный распростра- нитель христіанской вѣры между язычниками, блаженный Стефанъ вскорѣ причтенъ былъ церковію къ лику святыхъ. Служба ему написана сербомъ Пахоміемъ по новелѣнію владыки Филовея, бывшаго пермскимъ епископомъ съ 1472 по 1501 годъ.

По преданію святитель Стефанъ былъ не только проповѣдникомъ вѣры, но и иконописцемъ. Въ 17 верстахъ отъ Яренска въ церкви села Иртовскаго есть чудотворный образъ нерукотвореннаго Спаса, написанный въ большемъ размѣрѣ въ древнемъ византійскомъ стилѣ самимъ Стефаномъ. Церковь Вожемская въ 30 верстахъ отъ Яренска внизъ по Вычегдѣ славилась двумя древними иконами св. Троицы и сошествія св. Духа съ зырянскими на нихъ надписями, которыя также едва ли не были написаны св. Стефаномъ. Икону св. Троицы изъ Вожемской церкви трижды уносили на противоположный берегъ въ свою приходскую Цилибинскую (бывшую прежде монастырскую) именитые люди Осколковы, ¹⁹⁾ но св. икона невидимо опять являлась на Вожемѣ. Епископъ Арсеній перенесъ икону въ Вологодскій кафедральный соборъ.— Донынѣ также сохранился на Виньдегѣ деревянный крестъ, сдѣлан-

18.) Къ 8 Сентября какъ полагають ко дню явленія иконы ежегодно до обѣдни прибѣгалъ олень. См. Вологод. губери. вѣд. 1850 г. № 11.

19.) Новгородскіе выходцы, соперничавшіе съ другими именитыми людьми Строгановыми, основавшими въ Сольвычегодскѣ.

ный Стефаномъ и поставленный имъ въ построенной удорцами часовнѣ. Въ продолженіи 4 вѣковъ то огонь, то время истребили нѣсколько часовень, но къ кресту не прикоснулась разрушительная сила тлѣнія, хотя подписи, вырѣзанной на немъ святителемъ, въ настоящее время уже нельзя разобрать, такъ какъ буквы во многихъ мѣстахъ сгладились и неизвѣстно—на русскомъ или на зырянскомъ языкѣ сдѣлана была надпись.

Изъ вещей, принадлежавшихъ святителю Стефану, кромѣ его посоха, сохранились еще: святцы на деревѣ (въ русскомъ археографическомъ обществѣ), икона святителя Николая чудотворца (въ чердынскомъ соборѣ), ²⁰⁾ и полотняный саккосъ Стефана (въ сольвыгодской благовѣщенской церкви). ²¹⁾ Но если эта вещь и дѣйствительно принадлежала Стефану, то должно быть это была или архіерейская фелонь или стихарь, а не саккосъ, такъ какъ въ то время епископы еще не имѣли права носить саккосъ. ²²⁾

20.) Пермскія вѣдомости 1847 г. № 14.

21.) Пушкарева описаніе вологодской губерніи, стр. 110. Русскіе святые Филарета Черниговскаго 26 Января.

22.) Пушкаревъ ввелъ въ обмолвку и пр. Филарета.

